

УДК 1(091)

РОЛЬ АГИОГРАФИИ В РЕЛИГИОЗНОЙ ФИЛОСОФИИ Г.П. ФЕДОТОВА

С.П. Бельчевичен, В.Б. Рыбачук, И.А. Казанцева

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

DOI: 10.26456/vtphilos/2021.3.150

Агиография занимает важное место в наследии Г.П. Федотова, обращение к этой проблематике связано с эволюцией его мировоззрения от марксизма к неохристианству. Под влиянием западной традиции Бл. Августина, П. Абеляра он обращается к святоотеческому наследию, рассматривая условия возникновения агиографических жанров, выявляет их особенности и критерии святости, описывает типы святости, сложившиеся на Руси.

Ключевые слова: агиография, типы святости, русская религиозная философия, юродство.

Агиография занимает значительное место в христианской традиции. Одним из распространенных её жанров являются жития святых, представляющие важнейшие элементы христианского мировоззрения. Житийный канон складывается к X–XII вв., вне зависимости от вида житие включает в себя похвалу родителям святого, рассказ о родине, о детстве святого и чудесных провозвестиях, которые привели отрока к религиозному миропониманию, повествование об искушениях и преодолении их, о совершении религиозного подвига, посмертных чудесах святого. Важным вопросом является основание канонизации святого, критерии его религиозного подвига и святости. Таким образом, житийная литература является своеобразной словесной иконой, повествующей о религиозном подвиге святого.

Георгий Петрович Федотов (1886–1951) обращается к агиографической проблематике уже в зрелый период своего творчества. Его философское мировоззрение эволюционировало от русского марксизма к религиозному, экуменическому толкованию исторического процесса [1, с. 114–121]. Первым шагом на этом пути было обращение Г.П. Федотова к западной и православной патристике. В 1911 г. он пишет работу «Письма бл. Августина (Classis Prima)», анализируя эпистолярное наследие одного видных отцов западной церкви [2, т. 1, с. 66–76].

Главная задача русского мыслителя состоит в том, чтобы показать, как эволюционировало мировоззрение Бл. Августина от античного неоплатонизма к христианству и на каком этапе своего творчества он превратился в апологета церкви. Для Г.П. Федотова искания Августина чрезвычайно важны, ибо отражают его собственные поиски в сфере «но-

вого религиозного сознания». Следующим этапом движения в этом направлении стала работа Г.П. Федотова «Абеляр» (1924). Русский философ выбирает портретно-биографический метод, рассматривая жизненные вехи как факторы, непосредственно влияющие на формирование религиозной философии Абеляра. Он полагает, что французский философ пытался соединить гуманистические и христианские ценности, опираясь на «разумную веру» [3, с. 8]. Таким образом, западная патристика стимулировала обращение Г.П. Федотова к древнерусской агиографии.

В работе «Святые Древней Руси» (1931) Г.П. Федотов пытается показать значимость научного изучения агиографии и подчеркивает: «изучение русской святости в ее истории и ее религиозной феноменологии является сейчас одной из насущных задач нашего христианского и национального возрождения» [4, с. 27]. Он полагает, что в отечественной традиции произошло смешение понятий, в основном изучается аскетика Востока, русское юродство, но не изучается святость древней Руси как целостное явление, как особый тип святости, духовной жизни. Рассматривая историю канонизации на Руси, Г.П. Федотов подчеркивает, что для церковной канонизации были и остаются следующие основания: «1) жизнь и подвиг святого, 2) чудеса и 3) в некоторых случаях нетление его мощей» [4, с. 37]. Г.П. Федотов не только изучает историю святых Древней Руси, но и стремится создать классификацию типов святости, пытаясь показать, чем древнерусская традиция отличалась от греческой и западной.

Первыми канонизированными святыми на Руси были Борис и Глеб. В греческой церкви крайне мало мирян, как правило это аскеты-подвижники, совершающие подвиг во славу Христову. С точки зрения философа, Борис и Глеб не были мучениками за Христа, но пали жертвой политического преступления в княжеской междоусобной борьбе. Основой для исследования святости Бориса и Глеба Г.П. Федотов избирает «Повесть временных лет», «Чтение о житии и погублении бл. страстотерпцев Бориса и Глеба» (Нестора Летописца XI в.), «Сказание, страсть и похвала св. мучеников Бориса и Глеба» (Иакова). В житийной литературе сообщается о христианских достоинствах святых, трогательной дружбе братьев, уважении к традиционным ценностям. Братя-страстотерпцы идут путем Христа, принимая свою судьбу, не пытаясь избежать того, что приурочено им свыше. Жития показывают их слабыми, обычными людьми, которые, опираясь на христианские добродетели, приносят себя в жертву, подобно Христу. «“Сказание” идет и дальше. Оно ярко рисует мучительную трудность отрыва от жизни, горечь прощания с этим “прелестным светом”. Не об отце лишь плачет Борис, но и о своей погибающей юности» [4, с. 47].

Особенностью древнерусской традиции, как считает Г.П. Федотов, «является подвиг непротивления <...> национальный русский подвиг, подлинное религиозное открытие новокрещеного рус-

ского народа» [4, с. 49]. Последний парадокс культа страстотерпцев в том, что святые «непротивленцы» по смерти становятся во главе небесных сил, обороняющих землю русскую от врагов [4, с. 51]. Феодосий Печерский был вторым святым, торжественно канонизованным русской церковью, и первым ее преподобным. Г.П. Федотов опирается на житие Феодосия, написанное Нестором, основателем отечественной агиографии, прослеживает в нем влияние греческой и древнерусской традиций.

Преподобный Феодосий – отец русского монашества. Нестор, следуя житийной традиции, создает образ Феодосия Печерского не только как аскета, труженика, который с детства носил «худые ризы», но и подчеркивает его книголюбие, образованность, любовь к духовному просвещению. Нестор изображает его кротким и по отношению к разбойникам, и к слабым, грешным инокам, однако служение правде приводит святого к столкновению с князем Святославом, нарушившим христианскую мораль. Характеризуя наследие русского подвижника, Г.П. Федотов пишет: «таков Феодосий всегда и во всем: далекий от односторонности и радикализма, живущий целостной полнотой христианской жизни. Свет Христов как бы светит из глубины его духа, меряя евангельской мерой значение подвигов и добродетелей. Таким остался преподобный Феодосий в истории русского подвижничества, как его основоположник и образ: учитель духовной полноты и цельности – там, где оно вытекает, как юродство смирения, из евангельского образа уничиженного Христа» [4, с. 66].

Феодосий закладывает основы монашеской жизни в древнерусских монастырях, но его ученики выбирают каждый свой путь к Богу. Их духовный подвиг описывается в Киево-Печерском Патерике. По мнению Г.П. Федотова, патерик как направление в житийной литературе складывается в Палестине и Сирии и оказывает серьезное влияние на воспитание древнерусского монашества в духовной жизни. Эти положения Г.П. Федотов пытается проиллюстрировать на примере жизни учеников Антония и Феодосия. Так, своеобразное служение миру воплощает Прохор Лебедник, постригшийся в конце XI в. Свое призвание он первоначально получил от изобретенной им формы постничества. Он никогда не ел другого хлеба, кроме приготовленного из собранной им самим лебеды [4, с. 27]. Другой сторонник Феодосия Агапит – «безмездный» врач («лечец») – лечит убогих молитвой, уповая на божественное чудо, противопоставляя церковное лечение душ светской медицине [4, с. 71]. Многие ученики выбирают «затвор», (Исакий, Лаврентий), где в полной изоляции борются со своими страстями и бесами, побеждая их силой своей веры в Христа [4, с. 73–77].

Особое внимание Г.П. Федотов уделяет Св. Авраамии, который был страстотерпцем православного гнозиса. Он был человеком книжным, его подвиг в том, что он учительствовал, толкуя наиболее сложные евангельские тексты, пытался донести до мирян божественное знание. В

его наследии явно прослеживается эсхатологическая тематика, что вызвало полемику в среде духовенства [4, с. 79–84].

Особый тип святости представлен биографиями русских князей. Г.П. Федотов полагает, что именно в этом и состоит специфика русской агиографии. Почитание князей устанавливается очень рано (XI в.) и имеет самостоятельные духовные корни, хотя не исключены аналогии с западной и греческой традицией. В греческой традиции канонизировали императоров не за их духовный подвиг, а за «услуги православию» в борьбе с ересями в эпоху Вселенских соборов. В этой канонизации находит выражение теократический идеал царского служения [4, с. 90]. В Древней Руси все было по-другому. Г.П. Федотов показывает несколько типов святости князей. Первые князья, которые сделали много для принятия и распространения православия на Руси, – Ольга, Владимир, муромский князь Константин Ярославич.

Вторую группу составляют князья-иноки, чей личный путь был связан с выбором христианской веры. Среди них Никола-Святоша – смиренный трудник Печерского монастыря, Заозерский князь Андрей (Иоасаф), Михаил Клопский (в схиме Игнатий).

Третья, несравненно более многочисленная группа, – князья убиенные, страстотерпцы. Христианские авторы Древней Руси смотрят на подвиги князей сквозь призму житий св. Бориса и Глеба. Татарское иго создало условия для настоящего мученичества за Христа, но оно же освятило и ратный подвиг, смерть в бою как мученичество за веру.

Наконец, еще одну, относительно самостоятельную, группу представляют жизнеописания жертв политических убийств – это, например, судьбы Игоря Киевского и Андрея Боголюбского [4, с. 94]. Политическая деятельность князя Андрея Боголюбского получила различные оценки современников. Многие из них не могли простить ему погрома Киева, возвышение Владимира не устраивало князей Ростова и Суздаля, поэтому летописные отзывы о нем не всегда носят позитивный характер, однако не за свои государственные дела князь Андрей Боголюбский был причислен к лику святых. Он стал жертвой заговора и был жестоко убит ближайшим окружением. Его насильственная смерть произвела сильное впечатление на современников, рассказ об этих событиях был внесен в летопись, и автор сказания называет князя святым, мучеником, страстотерпцем, сравнивает его со святыми Борисом и Глебом. Он славит благочестие князя, его любовь к церкви, строительство храмов. Особо летописец отмечает милосердие Андрея Боголюбского, его любовь к простому народу, то, что роднит его с князем Киевским Владимиром [4, с. 97].

Страстотерпец тверской князь Михаил Ярославич относится, по мнению Г.П. Федотова, к группе воителей и защитников русской земли, сказание о его подвиге внесено в летопись. Сказание, одно из лучших княжеских жизнеописаний, полнее всего выражает целостный идеал

княжеского служения [4, с. 98]. Тверской князь погиб в борьбе с Москвой за великое княжение. Московский князь Юрий вступает в союз с Золотой Ордой, напав на Тверское княжество, московско-татарское войско бесчинствует, страдает простой люд. Михаил Ярославович принимает решение сражаться. Он идет на брань, ссылаясь на евангельский завет: «иже аще кто положит душу свою за други своя, то велик наречется в царствии небесном: нам же ныне не за един друг, не за два человека положити души своя, но за толико народа в полон суща, а инии избие ни суть, а жены и дщери осквернена суть от поганых, и ныне за толико народа положим души своя, да вменится нам слово Господне во спасение» [4, с. 98]. Битва состоялась при местечке Бортенево, где московско-татарское войско подверглось полному разгрому, в плен попала и жена московского князя, и родная сестра хана Узбека, Кончака. Тверской князь понимает, что хан не простит ни смерти своей сестры, ни позорного поражения Кавгады. Тверское княжество будет подвергнуто полному разорению, погибнет множество простых людей, поэтому он принимает решение ехать в Золотую Орду и своей жертвой отвести угрозу разорения княжества. После истязаний князя люди Юрия убивают Михаила Ярославича. За тело московские князья потребовали значительный выкуп, однако его останки по прибытии в Тверь остаются нетленными, что явилось причиной всенародного почитания и основанием для дальнейшей канонизации князя [4, с. 98].

К этой же группе князей-воителей за русскую землю Г.П. Федотов относит и князя Новгородского Александра Невского. Житие посвящено его ратным подвигам. Он сумел проявить себя умелым военным стратегом, отразив нападение «свейского короля» на Неве и разгромив рыцарей Ливонского ордена на Чудском озере, а также умелым дипломатом, проводя много времени в Орде. Житие рассказывает о чуде во время погребения князя. Как справедливо замечает Г.П. Федотов, «религиозный элемент повести неразрывно слит с героическим: длинная молитва князя перед походом в св. Софии Новгородской, небесные силы, которые поборают ему: на Неве св. Борис и Глеб, на Чудском озере ангельские воинства, как в войне Езекии с Сеннахиримом (влияние образа Езекии на житие Александра Невского весьма вероятно). Поэтому не является неожиданным и посмертное чудо, и заключительные слова жития, которые выражают христианскую идею этой героической жизни; “Тако бо Бог прослави угодника своего, яко много тружеся за землю русскую, и за Новгород, и за Псков, и за всю землю русскую, живот свой полагая за православное христианство”» [4, с. 101].

Важное место среди героев житий занимают святители земли русской. Г.П. Федотов выделяет различные типы святительского служения церкви: святителей-миссионеров, политиков, исповедников. Для каждого из них характерно своеобразное служение, объединяемое пониманием долга перед Церковью и обществом. К этому типу святости

философ относит жизнеописания Никиты Новгородского, Стефана Владимиро-Волынского, Ефрема Переяславского, св. Евфимия, арх. Новгородского, Стефана Пермского, Гурия. Особое внимание Г.П. Федотов уделяет святителям- политикам, которые, используя авторитет церкви, оказывали влияние как на внутреннюю политику, борясь за централизацию древнерусских земель вокруг Москвы, так и на дипломатические связи с различными государствами. Наиболее яркое представление такого типа святости мы находим в образе св. Алексия, который воплощает собой тип епископа-правителя, епископа-политика [4, с. 120]. Все свои таланты св. Алексей посвятил делу формирования русского централизованного государства. Он прошел путь от простого монаха до регента-правителя при малолетнем Дмитрие Донском, пользуясь огромным духовным авторитетом. Зная в совершенстве греческий язык, он сумел установить доверительные отношения с Константинополем. Огромным влиянием он пользовался в Орде, где с помощью молитвы излечил ханшу Тайдулу. Ему удалось отвлечь опасность татарского набега при Бердибеке, получить новый ярлык с подтверждением прав и свобод русской церкви. Основы политики Алексия были традиционны: мир с Востоком, борьба с Западом, концентрация национальных сил вокруг Москвы [4, с. 121].

В это время осуществлял свое религиозное служение и ученик Алексия – Сергей Радонежский, его деятельность – это особый тип святости, он сочетал в себе различные виды служения. Г.П. Федотов, характеризуя религиозное подвижничество святого, пишет: «В лице преподобного Сергия мы имеем первого русского святого, которого, в православном смысле этого слова, можем назвать мистиком, т. е. носителем особой, таинственной духовной жизни, не исчерпываемой подвигом любви, аскезой и неотступностью молитвы» [4, с. 150]. В этом понимании Г.П. Федотова подчёркивается глубокое влияние на преподобного Сергия исихастов и «умной молитвы» Григория Синаита и Св. Григория Паламы [4, с. 150]. Но будучи по сути исихастом, Св. Сергей сделал огромный шаг в сторону политики, подержав шаги к централизации Московского государства: «благословение им национального дела было, конечно, одним из оснований, почему Москва, а вслед за нею и вся Русь чтит в преподобном Сергии своего небесного покровителя» [4, с. 152]. Его практическая деятельность состояла в нивелировании противоречий между удельными князьями, признании роли Москвы в формировании централизованного государства. Именно он благословил Дмитрия Донского на сражение против Мамаю на Куликовом поле, в котором участвовали монахи его обители Пересвет и Ослябя. «Мистик и политик, отшельник и киновит совместились в его благодатной полноте» [4, с. 153] – всё это, как полагает Г.П. Федотов, сочеталось в святом.

Не мог Г.П. Федотов обойти борьбу стяжателей и нестяжателей, которые породили не только разные типы святости, но и определили

перспективы стратегии развития Церкви и её взаимоотношения со светской властью. Под влиянием византийского исихазма рождается новое направление в религиозной жизни России – нестяжательство, его лидером явился Нил Сорский, который основал пустынножителство на русском Севере. Он не только писал о духовной жизни, описывал жития своих учителей, но в своих работах оставил полное описание и руководство духовного пути. Старец исповедовал совершенно новый путь аскезы, где «умная молитва», а также отказ от земных благ, веротерпимость являются основой спасения себя и общества. Характеризуя его вероучение, Г.П. Федотов пишет: «особая, излюбленная Нилом форма аскезы есть аскеза нищеты. В духовной жизни нищета имеет не только значение радикального нестяжания, но и верности евангельскому образу уничиженного Христа. У Нила нищета не обосновывается прямо на Евангелии, но внутренне коренится в нем» [4, с. 170]. На одном из соборов в Москве старец Нил заявил о необходимости пустынного жителства и отказа от сел и земель, принадлежащих церкви: «чтобы у монастырей сел, не было, а жили бы чернецы по пустыням, а кормились бы рукоделием» [4, с. 167].

Совершенно другой позиции придерживается Иосиф Волоцкий (Иван Санин). Жизнь Иосифа хорошо известна исследователям. Его учениками составлены три обширных жития, где в деталях освещается биография и деяния святого отца. Иван происходил из дворянского рода, представители которого выбирали, как правило, религиозный путь, путь служения. Он был преемником во игуменстве преподобного Пафнутия. Двадцати лет от роду отрок пришел в Боровск, где старец Пафнутий взял его к себе в келью и воспитал в своей суровой школе «послушания без рассуждения» [4, с. 176]. Именно суровое общежитие, согласно церковному уставу, становится основой деятельности Иосифа Волоцкого. При этом он выступает за крепкую богатую церковь, которая активна в социальном и политическом плане. Иосиф Волоцкий был убежденным сторонником московских князей и всецело поддерживал укрепление русского самодержавия [4, с. 183]. Он столь же непримирим к ересям, требовал от московских князей самого строгого наказания еретиков, отступивших от православной веры. Победа сторонников Иосифа Волоцкого имела определенные последствия для русского национального самосознания. Разгром заволжских старцев привел к тому, что канонизация святых значительно уменьшилась, иосифляне не стремились к религиозному подвигу и страданию, в этом и заключалось, по мнению Г.П. Федотова, трагедия древнерусской святости [4, с. 186–197].

Особое внимание Г.П. Федотов уделяет юродству, которое было характерно для православия. Оно имело не только религиозное, но общественное и политическое значение. Церковь не всегда видела в юродстве сакральный смысл, поэтому в отечественной традиции канонизированных блаженных не так много. Анализируя проповедническую дея-

тельность Прокопия Устюжского, Исидора Ростовского, Василия Блаженного, Николы Псковского, Иоанна Московского, Николая и Федора Новгородских, Г.П. Федотов выявляет наиболее общие характеристики, свойственные этому типу святости: «аскетическое попрание тщеславия, всегда опасного для монашеской аскезы. В этом смысле юродство есть притворное безумие или безнравственность с целью поношения от людей. Выявление противоречия между глубокой христианской правдой и поверхностным здравым смыслом, и моральным законом с целью посязания миру (I Коринфянам, I–IV). Служение миру в своеобразной проповеди, которая совершается не словом и не делом, а силой Духа, духовной властью личности, нередко облеченной пророчеством» [4, с. 200]. Иллюстрирует эти положения Г.П. Федотов на многочисленных примерах из жизни святых угодников. Василий Блаженный стал юродствовать довольно рано, творя «похабы», уничтожая товары у купцов, швыряет камни в дома знатных горожан, целуя углы домов, где живут изгнанные из мест порока ангелы, золото он отдает не нищим, а купцу в чистой одежде, потому что купец потерял все свое состояние и, голодая, не решается просить милостыню. На пиру вино, поданное царем, он выливает в окно, чтобы потушить пожар в Новгороде. Самое страшное – он разбивает камнем чудотворный образ Божией Матери у Варварских ворот, на доске которого под святым изображением нарисован черт [4, с. 206]. Как и святой Никола Псковский он выступает обличителем русского царя, завлекая в пещеру он угощает царя мясом и кровью, показывая его злодеяния. В юродстве философ выделяет сущностную черту, обоснованную в фундаментальном труде иеромонаха Алексия (Кузнецова) «Юродство и столпничество» – осознание собственной незначительности («отрепье мира сего», по слову апостола Павла) [5, с. 10–15]. Анализ конкретных источников сводится к указанию на другие второстепенные черты: парадоксальность поведения юродивого, пророческий характер его деятельности.

Тема опричнины и служения божественной и человеческой правде занимают достаточно значительное место в наследии Г.П. Федотова. В этой связи он пишет свою работу «Св. Филипп митрополит Московский». Степан Федорович Колычев (Св. Филипп) происходил из старинного боярского рода, как и многие его предки был связан с московскими князьями. Его проповедническое служение пришлось на время правления Ивана IV. Г.П. Федотов пытается показать не только как складывалась церковная карьера будущего святого, но и в каких исторических условиях он жил. По мнению Г.П. Федотова, большую роль в конкретной исторической ситуации сыграло формирование самодержавия, которое всячески поддерживалось иосифлянами, практически ничем не было ограничена и опричнина. Г.П. Федотов вступает в полемику с либеральными историками, показывая истоки и социальные задачи опричнины, полагая, что её главная цель заключалась в создании новой

социальной базы, состоящей из мелкопоместного дворянства [6, с. 122]. Св. Филипп выступил в защиту русского народа и Христовой правды, в этом его религиозный подвиг: «но один раз церковь мужественно высила свой голос и перед лицом Грозного царя – в самый трагический момент русской истории. В годы кровавой революции, произведенной верховной властью, митрополит Филипп восстал против тирана и заплатил жизнью за безбоязненное исповедание правды. Святой Филипп стал мучеником – не за веру Христову, защитником которой мнил себя и царь Иван Васильевич, но за Христову правду, оскорбляемую царем. Он был почти одинок в своем протесте среди современных ему иерархов, одинок и на фоне целых веков» [6, с. 8]. Трагедия Св. Филиппа в том, что он был осужден собором, предан своими учениками. Своим убеждениям Св. Филипп был верен до конца и, несмотря на требования Ивана Грозного благословить Новгородский поход, который сопровождался разгромом городов и убийством русских людей, он отказался это сделать, заплатив ценой жизни за христианскую правду.

Агиографическое направление играет важную роль в наследии Г.П. Федотова, обращение к житийной литературе было связано с эволюцией его мировоззрения. Под влиянием западной традиции Бл. Августина, П. Абеляра он обращается к святоотеческому наследию, рассматривая условия возникновения агиографических жанров, выявляет особенности и критерии святости, описывает типы святости, сложившиеся на Руси. Русский философ подчеркивает уникальность факта канонизации русских князей в православной традиции, предлагая оригинальную классификацию: князья-государственники, князья-иноки, князья-страстотерпцы и жертвы политических убийств, князья-воители и защитники Земли русской. Особое внимание Г.П. Федотов уделяет борьбе исихастов и стяжателей, которые предложили разное понимание святости и служения Отечеству. Первые – духовное спасение и религиозное подвижничество, вторые – строгий канон и служение московскому самодержавию. В фокусе внимания Г.П. Федотова взаимоотношение святых и власти, которые готовы на жертву ради христианской правды.

Список литературы

1. Бельчевичен С.П., Рыбачук В.Б., Казанцева И.А. Формирование религиозного мировоззрения Г.П. Федотова: от марксизма к неохристианству и экуменизму// Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. 2019. № 3 (49). С. 114–121.
2. Федотов Г. П. Собрание сочинений: в 12 т. М.: «Мартис», 1996.
3. Федотов Г.П. Абельяр. Пг: Изд-во: Брокгауз-Ефрон, 1924. 156 с.
4. Федотов Г.П. Святые Древней Руси. М.: Московский рабочий, 1990. 240 с.
5. Алексей (Кузнецов), иеромонах. Юродство и столпничество: Религиозно-психологическое, моральное и социальное исследование. Репринтное изд.

1913 г. М.: Изд-во Московского Подворья Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 2000. 416 с.

6. Федотов Г.П. Филипп, Митрополит Московский. Paris: YMCA PRESS, 1928. 226 с.

THE ROLE HAGIOGRAPHY IN THE OF G.P. FEDOTOV'S RELIGIOUS PHILOSOPHY

S.P. Belchevichen, V.B. Rybachuk, I.A. Kazantseva

Tver State University, Tver

Hagiography occupies a significant place in Fedotov's legacy; the appeal to this problem is connected with the evolution of his worldview from Marxism to neo-Christianity. Under the influence of the Western tradition of St. Augustine, P. Abelard, he turns to the patristic heritage, considering the conditions for the emergence of the hagiographic genre, identifies its features and criteria of holiness, describes the types of holiness that have developed in Russia.

Keywords: *hagiography, types of holiness, Russian religious philosophy, yurodstvo.*

Об авторах:

БЕЛЬЧЕВИЧЕН Сергей Петрович — кандидат философских наук, доцент кафедры философии и теории культуры ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь. E-mail: belchev64@mail.ru

РЫБАЧУК Вадим Борисович — кандидат философских наук, доцент кафедры философии и теории культуры ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь. E-mail: vadim@forumtver.ru

КАЗАНЦЕВА Ирина Александровна — доктор филологических наук, профессор кафедры журналистики, рекламы и связей с общественностью ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь. E-mail: irina10768@mail.ru

Authors informations

BELCHEVICHEN Sergey Petrovich – PhD (Philosophy), Associate Professor at the Department for Philosophy and Theory of Culture, Tver State University, Tver. E-mail: belchev64@mail.ru

RYBACHUK Vadim Borisovich – PhD (Philosophy), Associate Professor at the Department for Philosophy and Theory of Culture, Tver State University, Tver. E-mail: vadim@forumtver.ru

KAZANTSEVA Irina Aleksandrovna – PhD (Philology), Professor at the Department journalism, advertising and public relations, Tver State University, Tver. E-mail: irina10768@mail.ru